

## Глава 8. Новое имя

Излучина чистой реки терялась в ночной дали. Над тихой гладью стлался молочно-белый туман, и в неровной ряби дрожало серебристое отражение полной луны.

На берегу Мо Сюнь развел небольшой костер.

Гу Суйчжи, которому совершенно нечем было заняться, решил завязать разговор:

— Я еще раньше заметил: ты, кажется, очень боишься холода?

Юноша молча прислонился к валуну. В его глазах, подернутых дымкой задумчивости, плясали отсветы пламени.

— М-м?.. — он вздрогнул, и взгляд его медленно обрел фокус. — У меня духовный корень дерева.

Он действительно страдал от холода. Свое развитие он получил не в ходе упорных тренировок, а по воле случая; не имея наставника, он попросту не знал, как управлять внутренней силой. То, что за эти годы уровень способностей лишь упал, не наградив его при этом букетом неизлечимых болезней, уже можно было считать чудом исключительного телосложения.

— Неудивительно, что ты выбрал деревянный меч, — хмыкнул старший.

Мо Сюнь поджал губы и едва заметно кивнул:

— Да.

— Мы в пути уже довольно долго, — непринужденно продолжил собеседник. — Далеко еще до Острова персиковых цветов в нефритовом море?

От города Юнь это место отделяла добрая тысяча ли.

Остров персиковых цветов служил границей между миром смертных и обителью заклинателей. В землях простых людей духовная энергия была слишком разрежена, и если Мо Сюнь хотел восстановить силы, ему нужно было как можно скорее пересечь рубеж и вернуться в мир бессмертных.

— Понадобится еще полмесяца.

— Так далеко, — протянул Гу Суйчжи. — Раньше я никогда не забредал в эти края. Слышал

только, что люди здесь слабы, а духовной энергии почти нет. Но не думал, что сами земли такие обширные.

— Угу, — юноша не нашелся с ответом и лишь тихо отозвался.

— Всё еще боишься?

— Да... — он осекся на полуслове, и зрачки его дрогнули.

— Когда я попросил тебя одолжить мне тело, ты ведь был в ужасе, верно? — с легкой усмешкой спросил Гу Суйчжи. — Боялся, что я воспользуюсь случаем и захвачу его навсегда?

Мо Сюнь хранил молчание несколько мгновений.

— Нет.

Мужчина прекрасно видел его тогдашнюю скованность, но из вежливости не стал разоблачать ложь.

— Можешь не беспокоиться. Если бы я действительно хотел завладеть твоим телом, мне бы не понадобилось твое согласие. Я бы просто взял его.

— ...

— Да и нечего тут стыдиться, — Гу Суйчжи, казалось, вошел во вкус, пытаясь утешить собеседника. — С твоим-то телосложением, судьбой и такой мощной аурой удачи... Да из десяти покойников одиннадцать захотели бы занять твое место. Было бы странно, если бы ты мне доверял. Если бы ты не сомневался во мне, я бы сам засомневался в твоём рассудке.

— Старший, — юноша беспомощно вздохнул. — У меня действительно нет таких мыслей.

Он помолчал и добавил:

— Вы спасли мне жизнь. Если вы захотите забрать ее — я и слова не скажу. Я не из тех, кто дрожит над своей шкурой. Просто... — его голос стал тише, — кровная обида еще не смыта. Мне было бы беспокойно уходить, не завершив дело.

— О? Вот как... И тебя совсем не пугает, что если я заберу твое тело, ты уже не сможешь отомстить?

Ветка в руках Мо Сюня, которой он ворошил угли, замерла. Губы его шевельнулись, но он не

издал ни звука. Юноша нахмурился, словно решая сложную дилемму.

— Ты чего замолчал? — удивился Гу Суйчжи. — Неужели это так трудно произнести? Или ты тоже успел в меня влюбиться и готов ради меня бросить даже месть?..

— Я просто подумал, — прервал его Мо Сюнь, — что вы... не из тех, кто привык спускать обиды. Вы не смогли стерпеть даже Ли Чжунчэна и решили проучить его ради меня. Так что Мо Чжиянь...

С ним-то разговор будет еще короче, верно?

Гу Суйчжи на мгновение лишился дара речи.

— То есть ты решил, что раз уж они меня так разозлили, то даже если я захвачу твоё тело и восстановлю силы, я всё равно не удержусь и испепелю их? И это, по-твоему, тоже сойдет за месть?

Юноша не знал, стоит ли ему кивать. Но именно так он и думал.

Он не мог назвать их отношения близкими и знал о характере старшего лишь крохи. Единственное, что служило ориентиром — это титул «Владыка демонов».

За долгие годы в мире заклинателей Мо Сюнь слышал о Царстве демонов, о Владыках демонов и множестве грозных имен, но этот титул не встречался ему ни разу. Впрочем, любой, кто связан со словом «демон», редко оказывается добродетельным праведником.

Если Мо Чжиянь попадет в руки Гу Суйчжи, его участь, скорее всего, будет куда страшнее той, что уготовил бы ему сам юноша. Ему была нужна лишь расплата, а кто именно нанесет удар — не так уж важно.

Однако... вспомнив о том, что произошло позже, Мо Сюнь опустил глаза.

Гу Суйчжи проучил Ли Чжунчэна, но ограничился лишь словами, после чего сразу вернул контроль над телом. Более того, перед уходом он оставил тому самую Изящную траву.

Этот поступок в корне противоречил всем догадкам. Этот «Владыка демонов» на поверку оказался человеком редкого благородства. Возможно, титул принадлежал кому-то из прежних владельцев меча.

— Старший, я... — юноша помедлил.

Гу Суйчжи уловил его мысли и едва сдержал смех.

— Приятно знать, что ты столь высокого мнения о моих добродетелях. Говори, что хотел, а когда закончишь — я открою тебе один секрет. Надеюсь, после него ты не передумаешь.

Мо Сюнь не понял намека, но всё же решился:

— Я бы хотел... сменить имя.

Гу Суйчжи не ожидал такого поворота.

— Почему вдруг?

— Моя фамилия досталась мне от биологического отца, — юноша смотрел на огонь. — А имя дал приемный отец. Он надеялся, что когда-нибудь я отыщу свою настоящую семью, и потому назвал меня Сюнь — «Поиск».

У него было не только имя, но и второе имя — «цзы», выбранное заранее.

Ли Чжунчэн когда-то принес из школы рассказы о том, как молодые господа из богатых семей по достижении двадцати лет получают второе имя. Приемный отец, помня о таинственном происхождении Мо Сюня, выбрал его заранее, но так и не решился сказать об этом вслух. Юноша узнал об этом случайно, когда ночью проходил мимо комнаты родителей и услышал их тихий разговор.

Имя — Сюнь, второе имя — Гуйту. «Поиск» и «Путь домой».

Простая и искренняя надежда людей, не знавших классической поэзии и изысканных метафор.

Если бы Мо Чжиянь не разрушил всё... К сожалению, «если» не существует. Теперь всё изменилось. Пути домой больше нет.

Постоянные упреки Ли Чжунчэна всё же достигли цели: Мо Сюнь больше не мог считать их дом своим. Теперь он был человеком, у которого не осталось крова. А когда человек лишен чего-то, он начинает жаждать этого с удвоенной силой.

Он хотел иметь дом. Пусть самый невзрачный, но свой. Старое имя когда-то несло в себе его мечты, но теперь он больше не хотел никого искать.

— Я хочу сменить не только имя, но и фамилию, — твердо произнес он. — Я возьму фамилию...

— Хочешь взять мою? — перебил его Гу Суйчжи.

— ...фамилию матери, — закончил Мо Сюнь.

Собеседник сразу потерял интерес:

— Ну вот, мне даже после «развода» места не нашлось?

— ...

Какого еще «развода»? Юноша никогда и не помышлял о спутнике жизни, он просто хотел сменить фамилию... Впрочем, не важно.

Он заставил себя не обращать внимания на подначки старшего.

— Что касается имени, — он прикусил губу, — если старший не побрезгует...

— Не побрезгую, конечно, не побрезгую! — радостно подхватил Гу Суйчжи. — Выбрать тебе имя? Я справлюсь!

Мо Сюнь замер в ожидании.

Ночной ветер качнул пламя, обдав его жаром. Холод отступил, и бледная щека юноши окрасилась в теплый оранжевый цвет. Огонь — не вода, в нем не увидишь своего отражения, а вокруг не было ничего, что могло бы послужить зеркалом.

Гу Суйчжи не видел лица юноши в этот миг, но мастерства мужчины, даже в нынешнем состоянии, хватало, чтобы запечатлеть каждую черточку в своей памяти. Он ведь до гибели находился всего в шаге от вознесения. В его голове пронеслись обрывки стихов из популярных книжек: «Красота ее затмевает века, лотос стыдится пред ликом ее...» или «Чист, словно утреннее солнце, ярок, словно лотос над водой...»

Но всё это казалось ему неподходящим. То, что Мо Сюнь был прекрасен — неоспоримый факт. Но разве обычная похвала может выразить всю искренность его чувств?

Гу Суйчжи погрузился в раздумья, а затем медленно произнес:

— Я думаю, лучше всего будет...

Юноша положил меч на колени, внимательно слушая.

— Драгоценное сокровище сердца Гу Суйчжи.

— ...

— Старший, — выдохнул юноша.

Гу Суйчжи неловко почесал затылок:

— Ну, я не силен в именах! Что поделать? Я сам сирота. Фамилию и имя мне дала наставница, я с ними прожил столько лет, откуда мне знать, как называть других?

«Тогда зачем было так быстро соглашаться?» — юноша подавил рвущийся ответ и глубоко вздохнул.

— Тогда я сам...

— Стой! — тут же воскликнул Гу Суйчжи. — Можно ведь сократить! Дай-ка подумать, как благозвучно назвать «Сокровище Гу Суйчжи» в двух иероглифах.

— Я...

— Мучжи, — мозг старшего работал молниеносно, не давая собеседнику и шанса передумать.  
— Линь Мучжи. Как тебе? «Тот, кто восхищается Чжи».

Юноша почувствовал странное облегчение от того, что это хотя бы звучало как человеческое имя.

— Линь Мучжи?

Гу Суйчжи восторженно хлопнул в ладоши:

— Смотри, как красиво звучит! Я просто гений. Первое же имя — и такой успех... Постой, ты сказал, фамилия твоей матери Линь? Как она пишется?

— Линь — та, что из двух деревьев.

На мгновение воцарилась тишина. Лишь спустя некоторое время Гу Суйчжи невнятно пробормотал:

— Хорошая фамилия. Но всё же... м-м... давай уберем этот слог «чжи». А то звучит так, будто

ты мой родной брат. Два иероглифа тоже неплохо — Линь Му.

Линь Му показалось, что голос старшего звучит как-то странно, словно он едва сдерживает смех. Разница в их силе была слишком велика: Гу Суйчжи мог видеть любые его эмоции и даже листать воспоминания, но юноша оставался слеп к чувствам собеседника.

Впрочем, это была мелочь. Линь Му не был придирчив: раз уж он доверил выбор имени старшему, то примет любое, если оно не звучит нелепо.

— Хорошо.

— И всё? Вот так просто согласился? — Гу Суйчжи пребывал в прекрасном расположении духа. — Ты никогда мне не возражаешь. Я попросил тело — ты отдал. Я дал тебе имя — ты принял его без единого замечания. Почему ты такой послушный? Интересно, бывают ли в мире смертных такие покладистые супруги?

Линь Му почувствовал себя неловко. Его впервые назвали... послушным. Раньше его хвалили лишь за то, что он был смиренным и рассудительным.

Но он вел себя так не из слабости. Семья Ли растила его семь лет, и он был готов отдать им всё в ответ. Благодеяние же старшего было в сотни раз больше. Разве такие пустяки, как имя, стоили споров?

Гу Суйчжи был старым лисом, повидавшим на своем веку больше людей, чем юноша съел чашек риса. Он насквозь видел этот характер и втайне усмехнулся.

«Неудивительно, что Небесное Дао так любит тебя. Тебя же до смерти легко обидеть»

Линь Му решил сменить тему:

— Старший, вы упоминали, что хотели открыть мне какой-то секрет?

— Ах, это... — Гу Суйчжи заговорил серьезнее. — Тот тип, который забрал убийцу... После того как он ушел, он вернулся.

— Старейшина Фусун? — юноша напрягся.

— Именно он.

Брови Линь Му сошлись на переносице:

— Когда именно?

Его развитие упало слишком низко. То, что он, будучи на стадии Создания основ, смог противостоять Золотому ядру, уже было чудом. Заклинатель стадии Великого вознесения, такой как старейшина Фусун, вполне мог скрыть свое присутствие. Он лишь не ожидал, что человек с таким прямолинейным характером способен на подобную хитрость и подслушивание.

Линь Му невольно коснулся лица. Неужели виной всему сходство с матерью? Сколько Фусун успел услышать? Неужели он узнал...

— Он вернулся как раз в тот момент, когда я пообещал пнуть этого щенка так, что родители его мотыгой не отскребут.

Юноша облегченно выдохнул.

— А ты думал, зачем я там распинался? — усмехнулся Гу Суйчжи. — Нужно же было создать тебе образ несчастного, но гордого страдальца в его глазах. Ты правда думал, что я пытался напугать этого мальчишку?

Гу Суйчжи не был из тех, кто привык терпеть и притворяться, но ради выгоды Линь Му он готов был разыграть спектакль. Все его слова предназначались для ушей Фусуна.

И не только слова. Та Изящная трава, которую он оставил Ли Чжунчэну... На сколько дней парню хватит этих денег, прежде чем он их промотает? А когда они закончатся, на что он будет лечить родителей?

Старший, действуя от имени «Мо Сюня», демонстративно отдал этот долг на глазах у старейшины. Теперь, что бы ни случилось с семьей Ли, Линь Му в этом не обвинят. Изящная трава в руках Ли Чжунчэна не была актом милосердия.

Это был похоронный звон.

— Запомни: в этом мире нет никакой высшей справедливости, живущей в сердцах людей. Если тебя обидели и ты молчишь — никто об этом не узнает. Будешь копить всё в себе — окружающие решат, что ты им еще и должен.

— Обнажи свой меч, — лениво добавил Гу Суйчжи.

Линь Му подчинился.

На иссиня-черном лезвии семь звезд выстроились в ровную линию. Раньше сияла лишь самая верхняя из них. Но теперь та, что следовала за ней, тоже начала теплиться слабым светом. Она

не была такой яркой, как первая — свет был мерцающим, туманным, словно вот-вот готовым погаснуть.

— Когда Фусун вернет Мо Шестнадцать в школу, этот самозванец наверняка захочет навестить твоего «драгоценного» братца. И вот тогда вторая звезда вспыхнет в полную силу.

<http://bllate.org/book/15862/1433200>